

Матвей Казаков: архитектор и власть

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. Целью публикации является анализ политических событий, повлиявших на творческие замыслы выдающегося архитектора Матвея Федоровича Казакова, а также причин вмешательства государственных деятелей в архитектурный процесс. Анализируется значимость реального вклада М. Ф. Казакова в развитие русского зодчества. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Творчество М. Ф. Казакова явилось одним из самых ранних и самых ярких образцов соединения лучших черт европейской и русской архитектуры. Оно непосредственно связано с социально-историческими процессами, происходившими в России XVIII столетия, и рассматривается в переломный период отечественной истории. Исследуются сложные жизненные перипетии его судьбы, результаты его творчества, в которых отражены ключевые проблемы русской культуры XVIII столетия. Рассматриваются взаимоотношения М. Ф. Казакова с другим выдающимся русским архитектором Василием Ивановичем Баженовым.

Ключевые слова: русская архитектура, экспедиция Кремлевского строения, Петровский замок, Царицыно, Екатерина II, Сенат

Для цитирования: Горлов В.Н. Матвей Казаков: архитектор и власть // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 65–72.

Original article

Matvey Kazakov: Architect and Power

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The purpose of the publication is to analyze the political events that influenced the architectural plans of the outstanding architect Matvey Fedorovich Kazakov, the reasons for the intervention of statesmen in the architectural process. The significance of the real contribution of M. F. Kazakov to the development of Russian architecture is analyzed. The methodological basis of the study is a set of general scientific and special historical methods. The study is based on a problem-historical analysis, taking into account the social conditions of that time. The work of M. F. Kazakov was one of the earliest and most striking examples of combining the best features of European and Russian architecture, is directly related to the socio-historical processes that took place in Russia in the 18th century, and is considered a turning point in Russian history. The complex vicissitudes of his life, the results of his work, which reflect the key problems of Russian culture of the 18th century, are studied. The relationship with another outstanding Russian architect Vasily Ivanovich Bazhenov is considered.

Keywords: Russian architecture, Kremlin building expedition, Petrovsky Castle, Tsaritsyno, Catherine II, Senate

For citation: Gorlov, V. N. (2025). Matvey Kazakov: architect and power. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(860), 65–72. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Начало XVIII века представляло собой яркую границу в развитии русской культуры и архитектуры. Русское средневековое строительство было основано на следовании древним византийским традициям, согласно которым застройка возникала из независимо располагавшихся сооружений, свободных по композиции и планировке помещений.

Развитие русской культуры к началу XVIII века предопределило активизацию стремления к урегулированию архитектурно-строительных конгломератов, приданию им более репрезентативного облика и увеличению их сознательной роли в организации и оформлении заселенных территорий. Несмотря на резкое сокращение строительства в Москве в первой половине XVIII века после переноса столицы в Петербург, эта тенденция получила воплощение в развитии архитектурного облика древней столицы. Правительство придавало облику Москвы важное значение: здесь проводились празднования в честь важнейших событий в жизни страны, коронационные торжества, триумфы в честь военных побед и т. п. Проявлением этого внимания стало учреждение Петром I при Московской городской полицмейстерской канцелярии должности городского архитектора и его команды, которым были предоставлены широкие полномочия по контролю над ведением застройки древней столицы.

В середине XVIII века во время царствования Елизаветы Петровны архитектурный облик Москвы определял получивший в 1745 году должность архитектора городской полицмейстерской канцелярии князь Д. В. Ухтомский. Он одним из первых в русской культуре обратился к созданию крупных градостроительных комплексов, построение которых меняло бы облик значительных районов города и пластико-пространственное развитие их застройки. Основной деятельностью Д. В. Ухтомского стало руководство ведением рядовой застройки Москвы и подготовка архитектурно-строительных кадров в созданной им при архитектурной команде школе [Мурзин-Гундоров, 2012].

КАЗАКОВ И ЗАСТРОЙКА ТВЕРИ

В 1751 году в школу Д. В. Ухтомского поступил 13-летний сын недавно умершего чертежника Главного комиссариата Федора Казакова Матвей. Мальчик уже, по-видимому, знал основы грамоты и счета и, может быть, проявил художественные способности, иначе он вряд ли попал бы в это высококвалифицированное заведение. В конце 1750-х годов Матвей Казаков выдвинулся в число

ближайших помощников Д. В. Ухтомского в команде и стал его ассистентом в архитектурной школе – ему было поручено преподавание рисунка младшим ученикам [Матвей Казаков допожарная Москва, 2019].

С начала 1760-х годов, после ухода в отставку Д. В. Ухтомского и перехода руководства командой к Р. Р. Никитину, М. Ф. Казаков в качестве его основного помощника принял участие в восстановлении Твери после пожара 1763 года. Восстановление Твери совпало с важными изменениями в развитии русской культуры XVIII века. На смену яркому и контрастному, пышному и причудливому, патетичному и открытому различным влияниям искусству барокко середины XVIII века эпохи Елизаветы Петровны в 1760-е годы в русское искусство пришел монументальный и величественный, строгий и торжественный просветительский классицизм.

Застройка Твери после пожара 1763 года должна была воплощать представления просветительского классицизма об идеальной организации городского ансамбля, складывающегося из сооружений и пространственных зон, построение которых должно было основываться на использовании правильных геометрических форм. Ансамбль центра Твери и сегодня производит впечатление созданного в XVIII веке самостоятельного мира.

У современников восстановления Твери после пожара 1763 года новые ансамбли центра города вызвали бурные восторги. Но в таком чистом виде, как в Твери, просветительно-классицистические принципы идеальной организации городской структуры не были воплощены более нигде.

Для участников восстановления Твери наибольшее значение имело то, что новая застройка центра города вызвала восхищение императрицы Екатерины II, называвшей Тверь «самым красивым городом империи после Петербурга», «моей игрушкой-красавицей». В 1767 году в Москве проходила работа Комиссии по составлению нового Уложения – высшего законодательного документа Российской империи, которую возглавила сама императрица, совершившая для этого поездку из Петербурга в Москву, проходившую через Тверь.

По замыслу Екатерины Великой, древняя столица России должна была радикально и полностью измениться – весь ее центр, вся система планировки, облик города в целом. Дени Дидро советовал ей: «Было бы естественно иметь Вашему Величеству в Москве большой дворец» [Дидро, 1947, т. 9, с. 194]. С этим она была вполне согласна, но хотела, чтобы этот дворец передавал в своей архитектуре образ новой, «просвещенной» ею России.

Возможно, благоприятное впечатление Екатерины II от проезда через обновленную Тверь

повлияло на перевод М. Ф. Казакова в 1768 году в Москву, в Экспедицию Кремлевского строения, только что основанную гениальным русским архитектором В. И. Баженовым, недавно вернувшимся из заграничной пенсионерской поездки за счет Петербургской академии художеств и прекрасно изучившим классические традиции европейской архитектуры.

ЭКСПЕДИЦИЯ КРЕМЛЕВСКОГО СТРОЕНИЯ

Согласно проекту В. И. Баженова, для осуществления которого была создана Экспедиция Кремлевского строения, вместо разновременного живописно-панорамного кремлевского средневекового ансамбля должен был возникнуть новый колоссальный комплекс в духе архитектуры русского классицизма. М. Ф. Казаков, уже имевший репутацию опытного строителя, стал «архитектором Экспедиции Кремлевского строения» – основным помощником В. И. Баженова, он следил за подготовкой строительных материалов, разборкой ветхих кремлевских строений и одновременно с этим учился у В. И. Баженова техническому мастерству, композиционному артистизму, свободе решения художественных проблем.

Екатерина II поручила архитектору В. И. Баженову начать работу над проектом такого дворца в 1767 году [Золотницкая, 1997]. Тогда в Москве собралась Комиссия для составления нового свода законов (Уложения), члены которого представляли важнейшие учреждения империи и все ее сословия, – выборный орган, напоминавший французские Генеральные штаты [Горохова, 1997].

Это было событие огромного значения. Именно с него, по мысли императрицы, должно было начаться торжество Просвещения в России, и новый дворец был призван вместить систему управления преобразованной страны. Гигантский комплекс, который должен был стать самым большим классицистическим сооружением Европы, заменял собой Кремль. Сохранялись древние соборы и церкви – символы русской истории и православия. Вокруг них возникало грандиозное монументальное «обрамление» из новых зданий, построенных на основе самого современного для той эпохи архитектурного стиля [Белов, 2019]. Экспедицией Кремлевского строения были развернуты проектные и подготовительные работы для строительства нового грандиозного дворца.

Екатерина II, бывшая инициатором реконструкции Московского Кремля, вскоре охладела к этой затее; в начале 1775 года ведение строительных работ по осуществлению проекта В. И. Баженова было прекращено под предлогом сохранения кремлевских

древностей. В 1775 году был принят указ императрицы о прекращении строительства Кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова, и вышли именные указы императрицы о восстановлении разрушенного в прежнем виде. К 1778 году стены и башни Кремля были полностью восстановлены.

Василий Баженов остро чувствовал изменившееся к себе отношение. Постепенно волею императрицы на первый план был выдвинут Матвей Казаков, взлет которого как зодчего начался с ходынских строений, где он работал вместе с Василием Баженовым. Разбив творческое содружество зодчих, Екатерина II вольно или невольно перевела двух архитекторов из отношений сотоварищества в отношения соперничества. Недаром Василий Баженов сетовал о «потерянном старшинстве».

1775 год оказался для Москвы знаменательным. Почти весь этот год Екатерина II вместе со своим двором провела в южной столице. За время ее московского правления многое изменилось. В частности, был принят указ о прекращении строительства Кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова, начали восстанавливать Тайницкую башню.

Утверждения искусствоведов, что решение прекратить строительство Кремлевского дворца состоялось из-за оскудения казны после окончания войны с Турцией, легко опровергаются: в том же 1775 году было развернуто строительство трех достаточно дорогостоящих сооружений – Петровского и Царицынского дворцов и здания Сената в Москве.

Дело не только в том, что строительство нового дворца потребовало бы огромных средств, – Екатерина II не жалела их на создание пышных хором и «потемкинских деревень». Всё объясняется рядом политических обстоятельств.

Императрице при посредстве «всевидающего глаза» тайной канцелярии могли быть известны антицаристские убеждения друга В. И. Баженова – Ф. В. Каржавина, да и его самого. Ф. В. Каржавин учился с Баженовым в Парижском университете и стал помощником архитектора в Экспедиции кремлевского строения, возглавляемой В. И. Баженовым. Ф. В. Каржавин долгое время жил в доме В. И. Баженова.

Замысел зодчего, который он выразил вместе с Ф. В. Каржавиным в записке «Краткое разсуждение о Кремлевском строении» (написан рукой Ф. В. Каржавина с правкой В. И. Баженова), был исполнен духом Просвещения и воистину грандиозен: «...народы европейские, узрев восставший из недр земных новый Кремль, объаты будут удивлением величавости и огромности онаго» [Долгова, 1984, с. 39].

В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина сближали не только их демократическое происхождение и совместная учеба в Париже. Им обоим были присущи прогрессивные общественные взгляды: любовь к России, изнывающей «под скипетром Великия Екатерины», сочувствие к «братьям» – крепостным. Многие теоретико-архитектурные работы В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина носят следы их совместного участия.

Екатерина II могла видеть и то, что в статье В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина «Краткое разсуждение о Кремлевском строении» критикуются пирамиды за бесплодные затраты на них, говорится о дороговизне строительства огромных дворцов – памятников «тщеславию царей», создаваемых за счет «народов, принужденных покориться».

Наконец, императрица своими очами могла узреть невероятную дерзость – замысел В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина о превращении «дома Екатерины» в некий республиканский парламент. Оказывается, в грандиозных проектных работах по перестройке Кремля был включен в планировку императорского дворца огромный амфитеатр...для народных представлений. Явно демократический, а по сути – антимонархический, республиканский замысел [Рабинович, 1989]. Сколько депутатов могли бы реально вместить трибуны нового кремлевского дворца? Задуманная Екатериной II «Комиссия для составления нового уложения» насчитывала всего 564 депутата. Здесь же создавалась архитектурно-пространственная среда для работы многих тысяч депутатов.

В 1817 году вышла рецензия Н. М. Карамзина на первые русские издания «Утопии» Томаса Мора. Автор этой рецензии, непосредственно знакомый и с моделью кремлевского дворца, воскликнул: «созданные В. И. Баженовым планы нового дворца “уподобились Республике Платоновой или Утопии Томаса Моруса”» [Карамзин, 2002, с. 93].

Конечно, осуществление идеалов утопического социализма в царской России было абсолютно нереальным, но реальны были первые попытки к их осуществлению, в том числе и в архитектуре. Вот почему необходимо искать политические причины ответа на вопрос, почему Екатерина II не пожелала завершить строительство именно баженовского кремлевского дворца.

ПРАЗДНОВАНИЕ «МИРНОГО ТОРЖЕСТВА»

В 1775 году Екатерина II задумала «мирное торжество» в честь победы, одержанной генерал-фельдмаршалом графом Румянцевым-Задунайским в русской-турецкой войне. Мир был заключен 10 июля 1774 года в деревне Кючук-Кайнарджи. Празднование «мирного торжества» перенесли

ровно на год, на 10 июля 1775 года, в Москве на Ходынском поле.

На пустынном пространстве в трех верстах от Москвы по повелению императрицы за шесть с небольшим месяцев Экспедицией Кремлевского строения был сооружен фантастический город рассыпанных по всему полю строений, каждое из которых имело название одной из завоеванных русской армией крепостей – Азов, Еникале, Таганрог с гаванью. Были воздвигнуты триумфальные арки, галереи. Поле между строениями изображало Черное море, по нему были разбросаны корабли в полном снаряжении. Построили и ходынский дворец для императрицы со свитой.

Стремление Екатерины II провести торжество, превосходящее все предыдущие (а как оказалось, и последующие), не ограничивало мастеров в средствах. Они возводили строения, забыв об их временности. Архитекторы спешили высказаться. Ничто не сдерживало их свободу, ничто не мешало проявиться их творческой фантазии. М. Ф. Казакову представилась поистине уникальная возможность показать профессиональную эрудицию во всей полноте. Сооружения были воздвигнуты в привычном для России стиле средневекового зодчества: строгий классицизм соседствовал с ажурной готикой, эпоха Возрождения – с Античностью. М. Ф. Казаков с легкостью решал планировочные и строительные задачи. Выстроенные за такой короткий срок павильоны нельзя назвать бутафорией. Эти были общественные сооружения, способные принять множество народа: балы чередовались с маскарадами, в театре итальянская скрипичная музыка сменялась русской рожковой, показывались спектакли.

Начало борьбы России против Турции за выход к Черному морю относится к середине XVII века, наиболее крупные успехи в ней были достигнуты в начале царствования Петра I. Посвященный окончанию этой борьбы Екатерининский праздник должен был демонстрировать преемственность ее царствования по отношению к Петровской эпохе. Оформление Ходынского поля к празднованию годовщины заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора стало одним первых и самых ярких примеров обращения русской архитектуры XVIII века к средневековому наследию, определив возникновение русской неоготики – крупного течения в послепетровской архитектуре, активно развивавшегося в XVIII–XIX веках [Алпатов, 1955]. Императрица устала от подчиняющегося строгим нормам и правилам классицизма во французском духе. «Здесь у нас есть французы, которые слишком много знают и строят дрянные дома...» – сказала она [Сборник Императорского Русского исторического общества, 1878, с. 561].

Это была последняя работа М. Ф. Казакова вместе с В. И. Баженовым, ставшая для него прекрасной школой в изучении классических и неклассических художественных традиций, и достижения их органичного сочетания, особенно важного при ведении строительства в Москве. При ее ведении М. Ф. Казаков выступил в качестве не только помощника В. И. Баженова, но и его соавтора – до наших дней сохранились выполненные М. Ф. Казаковым проекты праздничных павильонов для оформления Ходынского поля. Само оформление Ходынского поля к празднеству в честь годовщины заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора стало одной из первых крупных работ М. Ф. Казакова. Интересным свидетельством в честь победы над Турцией стали выполненные М. Ф. Казаковым рисунки с видами участков Ходынского поля летом 1775 года.

Вслед за окончанием празднования летом 1775 года М. Ф. Казаков был произведен в архитекторы и получил возможность вести самостоятельные архитектурно-строительные работы. В конце 1770-х годов вместе с первыми учениками он был отправлен в Коломну, где в готическом стиле реконструировал древние монастыри – Голутвинский и Бобриневский, разработал проект урегулирования планировки города и выполнил серию рисунков с изображениями его древностей.

Виды Коломны М. Ф. Казакова совпадали с необычайно широким распространением в русской культуре интереса к отечественным памятникам и стали одним из первых в России опытов создания изобразительной интерпретации достопримечательностей средневековой архитектуры. Рисунки М. Ф. Казакова с видами Коломны демонстрируют развитие у архитектора восприятия городского пространства как замкнутой, отчасти театрализованной, просветительско-классицистической среды, воплощавшей стремление к идеальной организации окружающего мира.

Пребывание М. Ф. Казакова в Коломне интересно еще и получением архитектором художественных впечатлений от древнерусского архитектурного наследия, в дальнейшем имевших развитие в его творчестве.

Оформление Ходынского поля произвело на Екатерину II благоприятное впечатление, и в конце 1770-х годов для императрицы под Москвой было начато строительство двух новых усадебных ансамблей в неоготическом стиле. К югу от древней столицы, в бывшем имении Кантемиров Черная грязь В. И. Баженов приступил к возведению Царицынского ансамбля. На бывшей пустоши Высокопетровского монастыря (давшего название новому комплексу) напротив Ходынского

поля М. Ф. Казаков начал сооружение подъездного дворца, в котором члены императорской фамилии производили бы необходимые приготовления перед въездом в Москву.

ПЕТРОВСКИЙ ЗАМОК И ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ

Наружному облику дворцового комплекса М. Ф. Казаков придал характер азиатской крепости – некоторые служебные постройки приобрели вид минаретов, вспомогательные хозяйственные сооружения, флигеля образовали непрерывную структуру вокруг главного корпуса, который благодаря крепостным зубцам, декоративным бойницам стал напоминать военные укрепления. Наиболее популярным названием комплекса стал Петровский замок. Новый ансамбль составлял единую композицию с располагавшимися неподалеку и долго сохранявшимися павильонами праздничного оформления Ходынского поля, вместе с которыми Петровский замок стал памятником победы России над Турцией.

Если в создании общего образа Петровского замка главенствует восточная экзотика (башни-минареты), то в наружном оформлении главного корпуса велика роль элементов древнерусской архитектуры: пузатые бочкообразные колонки крылец, сдвоенные арочки с гирькой посередине, красная черепица на крыше сооружений замка, использование в отделке фасадов кирпича и белого камня. Эти элементы Петровского замка связаны с обращением архитектора к опыту отечественного художественного наследия.

Почти одновременно со строительством Петровского замка М. Ф. Казакову было поручено создание в Московском Кремле комплекса Сената, для которого было выделено место в северо-восточной части московской цитадели. Возвышение купола ротонды Сената за башней Кремля превратило эту группу соседних сооружений в композицию, отмечающую середину Красной площади, в советскую эпоху усиленную А. В. Щусевым, построившим перед Сенатской башней Кремля Мавзолей В. И. Ленина.

При реконструкции Красной площади после французской оккупации древней столицы во время Отечественной войны 1812 года ученик М. Ф. Казакова О. И. Бове возвел с противоположной Кремлю стороны классицистический комплекс Торговых рядов, своеобразно уравновешивавший ансамбль М. Ф. Казакова.

Знаменитый памятник К. Минину и Д. Пожарскому работы И. П. Мартоса закрепил развитие центральной части Красной площади. Последующее поколение сохраняло такое развитие Красной

площади: в конце XIX века комплекс торговых рядов О. И. Бове сменил новый, построенный А. Н. Померанцевым (нынешний ГУМ), в котором было сохранено основное соотношение объемов ансамбля О. И. Бове начала XIX века.

После осуществления строительства Петровского замка и Сената М. Ф. Казаков стал ведущим московским архитектором, популярнейшим среди заказчиков и жителей города. В первой половине 1780-х годов он возглавил возведение на Моховой напротив Кремля двух крупных ансамблей, способствовавших превращению этого района в благоустроенный центр города.

Напротив Арсенала по заказу известного московского мецената П. А. Демидова М. Ф. Казаковым был построен комплекс Московского университета, располагающийся вокруг парадного двора, образованного сильно выступающими вперед боковыми корпусами и замыкаемого в глубине главным корпусом. Первоначально проект здания Московского университета по заказу П. А. Демидова создавал В. И. Баженов, но он не удовлетворил мецената. Возможно, М. Ф. Казаков при создании проекта университета пользовался материалами, полученными П. А. Демидовым от В. И. Баженова, к произведениям которого необычайно близок первый вариант проекта университета М. Ф. Казакова. Из-за нехватки средств строительство Московского университета началось с боковых корпусов и велось медленно, так что М. Ф. Казаков получил возможность совершенствовать проект центральной части комплекса. Развитие этого процесса шло в сторону освобождения от подражательности В. И. Баженову, обретения большей самостоятельности и простоты решения.

Одновременно со строительством комплекса университета М. Ф. Казаков получил заказ на перестройку располагавшегося недалеко на углу Моховой и Дмитровки дома Долгорукого-Крымского для расположения в нем одной из первых в России общественных организаций – Благородного собрания (знаменитый Колонный зал) [Матвей Казаков, 2019].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1780–1790-е годы расцвет деятельности М. Ф. Казакова совпадал с динамичным развитием Москвы, превращением ее в крупнейший экономический и культурный центр страны, активизацией в ней интеллектуальной, художественной и филантропической среды.

Если в предшествующие периоды в творчестве мастера преобладало выполнение заказов двора и государства – создание в Москве первых

общественных сооружений, то с середины 1780-х годов в нем постепенно начинает доминировать выполнение заказов по осуществлению частного жилого строительства – наиболее яркое воплощение признания москвичами выдающегося таланта М. Ф. Казакова, всё активнее участвовавшего в развитии застройки древней столицы.

В качестве ведущего московского зодчего в середине 1780-х годов М. Ф. Казаков сменил В. И. Баженова в руководстве строительством усадьбы Екатерины II к югу от Москвы – Царицыно, возведение которой началось в 1776 году почти одновременно с сооружением Петровского замка.

Замысел В. И. Баженова состоял в постройке в Царицыне подобия традиционным русским усадебным комплексам из отдельных самостоятельных строений, живописно разбросанных и причудливо сочетавшихся друг с другом. Первоначально Екатерина II одобрила замысел зодчего, но когда строительство комплекса было уже почти завершено, заказчица внезапно переменила решение. В 1785 году В. И. Баженов был отстранен от руководства строительными работами в усадьбе, и с 1786 года перестроить дворец поручили М. Ф. Казакову, который нашел в себе мужество и сохранил баженовский план, а главное, ворота и стенку. Архитектор на месте двух парных дворцов В. И. Баженова для Екатерины II и ее сына Павла Петровича, будущего императора Павла I, начал возведение нового дворца. Есть мнение, что новый дворец возводился всё же не без участия В. И. Баженова. Слишком дружны были зодчие, слишком долго шли рядом. Императрице исправно доносили о действиях М. Ф. Казакова. Вот почему, наверное, в дальнейшем дворец был недостроен, заброшен и зарос травой [Минеева, 1988].

Работа М. Ф. Казакова в Царицыне осталась незавершенной. Строительство нового дворца совпало с началом новой русско-турецкой войны, субсидии резко сократились, архитектору пришлось несколько раз переделывать проект, сокращать размеры здания, объем декорации. К 1793 году во дворце в Царицыне едва успели возвести крышу, как финансирование строительных работ полностью прекратилось.

Неосуществленным остался последний крупный градостроительный проект М. Ф. Казакова, посвященный реконструкции Московского Кремля. В 1797 году при подготовке к коронации императора Павла I внимание правительства привлекло ветхое состояние Кремля, который необходимо было привести в порядок. Это предопределило разработку М. Ф. Казаковым проекта реконструкции Кремля с возведением нового императорского дворца и упорядочением окружающей застройки.

М. Ф. Казаков стремился к достижению классической идеальности организации Кремля, которая придавала бы древней московской цитадели статичность. Проект реконструкции Московского Кремля стал последней крупной работой М. Ф. Казакова, вскоре после его выполнения архитектор вышел в отставку.

Решение современных архитектурных задач требует от исследователей анализа исторического опыта, в том числе деятельности русских архитекторов в переломные периоды отечественной

истории, необходимости понимания творческих достижений русских архитекторов.

Творческое наследие М. Ф. Казакова необходимо рассматривать вместе со сложившимися сложнейшими историческими процессами, которые до сих пор занимают умы исследователей прошлого. Необходимо обращаться не только к социально-историческим процессам, происходящим в России XVIII столетия, но к определению той культурно-исторической среды, в которой действовал зодчий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурзин-Гундоров В. В. Дмитрий Ухтомский. М.: Изд. дом Руденцовых, 2012.
2. Матвей Казаков и допожарная Москва / авторы-состав. Т. В. Иванова, З. В. Золотницкая. М.: Кучково поле, 2019.
3. Дидро Д. Собрание сочинений: в 10 т. / под общ. ред. И. К. Луппола. М. ; Л.: Acadimia, 1947. Т. 9.
4. Золотницкая З. В. Кремлевские строения и зодчество Москвы // Екатерина Великая и Москва. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1997. С. 107–109.
5. Горохова Е. Т. Уложенная Комиссия // Екатерина Великая и Москва. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1997. С. 79–81.
6. Белов А. В. Реформа города Екатерины II. М.: Институт российской истории РАН, 2019.
7. Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л.: Наука, 1984.
8. Рабинович В. Р. Каковы же причины творческой трагедии зодчего Баженова // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 11. С. 18–21.
9. Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002.
10. Алпатов М. В. Всеобщая история искусства: в 3 т. М.: Искусство, 1955. Т. 3.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXIII. Письма Екатерины II к Гримму. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878.
12. Минеева К. И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М.: Искусство, 1988.

REFERENCE

1. Murzin-Gundorov, V. V. (2012). Dmitriy Uhtomskij = Dmitry Ukhtomsky. Moscow: Izd. dom Rudencovyh. (In Russ.)
2. Matvej Kazakov i dopozharnaya Moskva (2019) = Matvey Kazakov and pre-fire Moscow. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
3. Didro, D. (1947). Sobraenie sochinenij. T. H. = Collected Works. T. H. Moscow: Acadimia. (In Russ.)
4. Zolotnickaya, Z. V. (1997). Kremlevskie stroeniya i zodchestvo Moskv. Ekaterina Velikaya i Moskv = Kremlin buildings and architecture of Moscow. Catherine the Great and Moscow (pp. 107–109). Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. (In Russ.)
5. Gorohova, E. T. (1997). Ulozhennaya Komissiya. Ekaterina Velikaya i Moskva = Legislative Commission // Catherine the Great and Moscow (pp. 79–81). Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. (In Russ.)
6. Belov, A. V. (2019). Reforma goroda Ekateriny II = The city reform of Catherine II. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. (In Russ.)
7. Dolgova, S. R. (1984). Tvorcheskij put' F. V. Karzhavina = The creative path of F. V. Karzhavin. L. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
8. Rabinovich, V. R. (1989). Kakovy zhe prichiny tvorcheskoy tragedii zodchego Bazhenova = What are the reasons for the creative tragedy of the architect Bazhenov? Architecture and construction of Moscow, 11, 18–21. (In Russ.)
9. Karamzin, N. M. (2002). O drevnej i novoj Rossii. Izbrannaja proza i publicistika = About ancient and new Russia. Selected prose and journalism. Moscow: Life and Thought. (In Russ.)
10. Aliatov M. V. (1955). Vseobshchaya istoriya iskusstva = General history of art: in 3 vols. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

11. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. (1878). T. XXIII. Pis'ma Ekateriny II k Grimmu = Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. XXIII. Letters of Catherine II to Grimm. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russ.)
12. Mineeva, K.I. (1988). Caricino. Dvorcovo-parkovyj ansambl' = Tsaritsyno. Palace and park ensemble. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	02.06.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	25.06.2025	
	08.10.2025	